

Сколько написано стихотворений о Родине, сколько сказано слов! А поэт Владимир Силкин опять же по-своему написал о ней, просто и выдержанно.

Его стихотворение «Родина» я прочитал в газете «Красная звезда» более двадцати лет назад и хорошо запомнил его:

*Далёко ли от дерева семья
Упадёт? Отвечают, что нет.
Лечит раны упрямое время,
Оставляя отчётливый след.*

*И однажды куда-то уехав,
Мы к истокам вернуться должны.
Тихо крикнешь и знаешь, что эхо
Отзовется с родной стороны.*

*Даже птицы тоскуют в разлуке.
И у них холодеют сердца.
Не с того ли печальные звуки
Часто слышатся в песне скворца?*

*Перелётным, возможно, попросе,
Позабыв про тепло и про тишь,
Улететь от ручья и от рощи...
Но от Родины не улетишь.*
(«Родина»)

«Но от Родины не улетишь»... Эти слова сразу вошли в душу и в память. Тогда, в так называемые «лихие 90-е», не стало великой советской державы – СССР раскололся, как упавшее зеркало. И многие меняли место жительства, а вместе с ним теряли Родину. А кто-то потерял её, не сходя с места, оставшись вне русского мира где-нибудь в Прибалтике или на Кавказе, в Средней Азии или Молдавии...

Потом я познакомился с подборкой стихотворений Владимира Силкина в газете Московского военного округа «Красный воин» под заголовком «Просыпайся, Россия, от спячки!». Я сразу обратил внимание, что при определённой пафосности этого призыва-заклинания стихи звучали сдержанно и веско, написаны явно волевым мужественным человеком.

А потом на одной из творческих встреч лично познакомился с Владимиром Силкиным, и его как человека и поэта знаю уже почти четверть века. С тех пор поэт Владимир Силкин стал заместителем председателя Московской городской организации Союза писателей России, возглавил Военно-художественную студию писателей Минобороны России. Нашу дружбу сопровождала череда редких коротких встреч, но они только доказывали, что наша дружба незримо крепнет.

И главным в его жизни и творчестве всегда была и остаётся поэзия, и мне бы хотелось показать ту нравственную и художественно-эстетическую ценность, которую она представляет.

Что привлекло меня в его стихах, так это, прежде всего, кровная преемственная связь со старшими поколениями отцов и дедов, прошедших великую войну и одержавших великую победу. Красной нитью проходит она через всё творчество Владимира Силкина. И не случайно корень «род» часто встречается в названиях его стихов и в них самих: «Родина», «На Родину», «Родителям».

Его стихотворение «Звезда отца» стало сокровенным обращением к отцу. Начинается оно с космического, можно сказать, вселенского взгляда:

*В небе звёздам нет конца,
Но далёко где-то
Светит мне звезда отца
И ведёт по свету.*

Содержание стихотворения становится всё ближе к нам, заземляется, обретает земные смыслы, конкретную предметность, реальные очертания, проникнутые прошлым и настоящим, связанные с тем военным лихолетьем и этой полувоенно-полумирной жизнью.

*На её шагаю свет
В этот век жестокий,
Всё иду за батей вслед
В тот июнь далекий.*

*А вокруг свистят шмели.
Или, может, пули?*

Олег ДОРОГАНЬ На крыльях песенной судьбы

О поэзии Владимира Силкина

*Если б только мы смогли,
То отцов вернули.*

*Чтоб услышать их сердца,
Чтоб наград коснуться...
Светит мне звезда отца,
Не даёт споткнуться.*

Зыбкий мир в наш жестокий век постоянно настраивает поэта на тревожный лад, на внимательный взгляд к каждой детали, каждой примете, в которых видятся ему символы нашего времени.

У поэта Владимира Силкина за каждым словом – затаённый пафос духоподъёмности, он старается обходиться без громких слов, их мощь у него, как река в бетонных берегах. Но скрыть этот пафос мощи крайне трудно, почти невозможно. И в этом, на мой взгляд, кроется неповторимость авторской интонации. Порою даже кажется, поэт умышленно представляет сложное простым, округлое делает угловатым, яркое – приглушённым, чтобы не навредить искренности и правдивости повествовательной интонации.

И ему удаётся сказать о самом важном без видимых усилий, его стихи легко ложатся на душу, и веришь каждому слову.

В стихотворении «Шальная пуля» сильно и точно показано, как судьба человеческая зависит от роковой случайности. Поэтом найдены те самые слова, через которые выражены вся непредсказуемость и вся боль трагедии.

*Две пули встретились и разошлись –
Одна под сердце, другая высь.
И та, что в небо гулять пошла,
Шальной пулей в степи была.
В разгаре лета, в ночном бою
Сыскала пуля мишень свою.
Пробила сердце и будь здорова,
И нет солдата из-под Ростова.
А там, от сына письмо читая,
Взялась за сердце мать молодая.
Кусала губы, встав на колени,
Молясь в тот угол, где бились тени.
Сюда вот пуля зашла хозяйкой.
Глядь, кирзачи стоят, висит фуфайка.
Присела пуля тихонько рядом,
Кося по дому стылеливым взглядом.
Пришла свинцовой, ушла пунцовой
От тётки Тони от Кузнецовой.
Рыдая, пуля упала в грязь –
У жизни с пулей прямая связь.*

Пуля персонифицируется в реального живого носителя этой самой роковой случайности, словно бы страдающего от своей предназначенности.

Во многих стихах Силкина слышится дыхание «горячих точек». Одной из них, Сирии, посвящены книжки стихов «Авиабазы "Хмеймим"» и «Русская юла». Но, конечно же, всего горячей в стихах его пробивается дыхание Афгана и павших в нём его товарищей. И 15 февраля для него стало священным праздником, как для сотен тысяч живых и мёртвых «афганцев».

*И ябко, и душно в седом феврале.
Сверкают медали,
Но крови за них мы афганской земле
С лихвой передали.*

Богата и обширна география стихов Силкина, связанная непосредственно с его биографией. Здесь не только Москва и Питер, здесь и Таллин, и Сихотэ-Алинь, и станция Дно, где царь Николай II отрёкся от престола, и Владивосток, и Ханкала, и Хмеймим и т.д.

И вся жизнь у него – как путина в океане. Поэт – как человек военный – примеряет её на себя со всеми её трудностями и препятствиями. Он привык к преодолению, без них жизнь теряет для него смысл.

*...Сходят грузные мужчины,
Океан роняя с плеч...
Окончание путины –
Продолженье чьих-то встреч.*

И всё же он, поэт военной темы, счастье своё видит, прежде всего, в мирном небе над головой, в слове, которое служило бы оберегом от бед, несчастий и войн. Отражая войну, поэт всег-

да думает о душе, о ключевой чистоте её и родниковой незамутнённости, о любви и счастье, о бессмертии и спасении души.

*Незачем счастье испытывать.
Есть оно, вот и держи.
Только старайся подпитывать
И очищать ото лжи.*

Трогательны строки о любви у поэта.
*Устанет ночь от света зрелых звёзд,
В речной воде заледенеют ивы...
Мне до тебя лишь десять тысяч вёрст,
Чтобы понять, каким я был счастливым.*

В стихотворении «Ты спишь»:
*Я помолчу, вздыхая горячо,
Я столько этой женщине обязан!
Когда б не это белое плечо,
Счастливым в жизни не был бы ни разу.*

Главное достоинство поэзии Владимира Силкина – моментальное точное попадание в читательское сердце. Обманчивая простота лучших из его стихотворений помогает проявить самые глубокие, сакральные смыслы.

Примечательно в его стихах, когда за кажущейся незамысловатостью – пружиненный сюжет судьбы:

*Годы летят, пролетают.
Вот и свои проглядел.*

Его сдержанные ёмкие строки свидетельствуют о том, что они выношены, далеки от суетности. Самовыражение поэта ничего общего не имеет с самовосхвалением. Самодостаточность его во внешней скромности и безыскусности.

Владимир Силкин – автор почти шестисот стихотворений, часть из которых стали песнями. А песенный стих требует той простоты, которая несёт с собой единственно точные слова. И пускай кому-то кажется, что песенная простота текста – от недостаточной поэтической квалификации автора. Нет уж, слова к настоящим песням требуют подлинности таланта. И здесь очень важно для автора оставаться простым и доступным, и при этом не быть примитивным, не подавить душевность серостью затёртых слов.

Открытость и душевность, присущие автору, не лишают его защищённости, благодаря умению найти единственно верные слова:

*Клянюсь в пояс дороге,
За спину ладя суму,
Вот и выходит, в итоге,
Клянюсь всем и всему.*

*И не бывает обидно
Чувствам сердечным моим:
Кланяться людям не стыдно,
Стыдно не кланяться им.*
(«Клянюсь в пояс дороге»)

Простота слога вовсе не означает, что автору не присущ поиск формы, но она никогда не превышает меры своей единственности, своей оптимальности. Немало свежих неожиданных, иногда сложносоставных рифм можно найти в стихах Владимира Силкина: «Крыма я – любимая», «звёзды – завёз ты», «флаги – «Арагви» и других.

Владимиру Силкину подвластен и жанр иронического стихотворения, а он по-своему диктует рифмы соответственного склада, как например, в стихотворении «Номенклатурная столовая». В нём девушка-официантка из деревни разносит блюда номенклатурных работников, и есть такие рифмы: «завалена – овалыных», «вспоена – от пояса», «тщедушному – отдушину», «прилизанной – капризами», «работники – эротики», и где в итоге:

*Благодарят за угощение
Официантку чернобровую,
Ещё не зная о решении
Закрывать закрытую столовую.*

В стихотворении «Оптина пустынь» необычна, но органична рифма: «пустыни – грусти нам». Ветер пронзительный в Оптиной пустыни, Листьев оплавленных медь. Небо, прошу, не подбрасывай грусти нам, Дай на тебя посмотреть.

Грустное русское небо для поэта становится, вопреки всему, образом веры, он выкристаллизован умудрённой зрелостью, закалённой испытанием военной службы и перипетиями судьбы поэта, ставшей частью общей судьбы страны и её народа.

*Русское небо, далёкое, серое,
В этом осеннем краю.
Я ещё верую, верую, верую,
Верую в мудрость твою.*

Дорог поэту его край родной, его богатая природа, и он к нему со всей душой – как живому. Всё живое дорого поэту. И в стихотворении «Рысий клык» он сам себя спрашивает в горьком недоумении:

*Убили рысь, убили рысь,
А для чего, убей, не знаю.*

Доброе внимательное отношение к «братьям нашим меньшим» выражено у него особенно в таких стихах как «Русская дворняга» и «Пёс».

В первом стихотворении о том, как хозяин напивается и не ценит своего верного пса, но от этого тот не становится менее преданным, и, как может, оберегает своего хозяина.

И второе стихотворение о собачьей верности, и завершается оно так:

*Пёс к солдату доверчив от века,
Только глянешь, помчится спасать,
И сказать, что он друг человека,
Ничего про него не сказать.*

У каждого поэта свои голуби, свои они и у Владимира Силкина:

*Ох, как сладко воркует сизарь,
Посвящённый на небе во что-то,
И смеётся, искрятся глаза,
Потрясённые счастьем полёта.*

И воробьи свои. Это видно из стихотворения «Купание воробьёв в Северном Медведково в Москве»:

*В Медведково дожди плясать устали,
Умчались во владения свои,
И в лужи незапачканные встали
Уставшие от зноя воробьи.*

Каждое место, где бывает поэт, он старается осветить своим взглядом, своим песенным словом.

В стихотворении «Усадьба Кусково в августе» поэт «оживляет» статуи античных богов, и вот как это у него осуществляется:

*Под небом промерзающей Москвы,
Как путники, сошедшие с дороги,
Заснут, не опуская головы,
Обветренные зреческие боги.
Но время есть до первых холодов,
И возле статуй созревает чувство,
Что боги после праведных трудов
Задумались о тонкостях искусства.*

Когда-то в советском детстве мы узнали о концлагере Саласпилс в Латвии из песни, прозвучавшей тогда в исполнении вокально-инструментального ансамбля. Спустя какое-то время и Владимир Силкин посетил мемориальный комплекс в этом лагере и написал небольшое стихотворение «Саласпилс», предварив эпиграфом: «Здесь стонет земля» (Надпись на латышском языке над входом в мемориал), а завершая так:

*Нам гид про лагерь говорит,
Ведёт к гранитным плитам мрачным,
А на руке его горит
Тяжёлый номер шестизначный.*

Лирическая глубина открывается у него через прозрачность слова. И это стало важнейшей приметой его поэтического творчества.

*Надеюсь, что вряд ли надеждой согреюсь,
Но всё же, надеюсь. Живу и надеюсь.*

Владимир Силкин родом из 60-х, из того поколения, к которому принадлежу и я. И его стихи – они своего рода свидетельство того духа и тех реалий, что сформировали наше поколение. И в этом их достоинство не только для меня и наших сверстников – в этом их историческая и художественная ценность для общественного сознания прошлой, настоящей и грядущей России.